

126 ДЕК 1987

ПРАВДА

◆ ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

В театре— все «звезды»

Если спустаться со стороны Верийского квартала к Куре по узкой, вымощенной булыжником, типично тбилисской улочке, обязательно пройдеши мимо ничем не примечательного маленького двухэтажного дома из красного кирпича. Здесь жила знаменитая грузинская актриса Верико Анджапаридзе. А сейчас живет ее дочь — Софико Чиаурели.

Хозяйка приглашает в небольшую «мамину» комнату. Еще и года не прошло, как не стало Верико — актрисы-легенды. Это для нас она — легенда, великая... А для Софико — самый дорогой человек на свете, просто мама. Вот в этой строго обставленной комнате совсем ребенком Софико видела многочисленные афиши и фотографии, на которых мать являлась то Клеопатрой, то Марией Стюарт или Маргаритой Готье. Эти волшебные превращения не могли не вызвать у девочки желания хоть ненадолго, хоть на миг тоже стать не собой — другой...

— Так я стала актрисой, — рассказывает народная артистка Грузинской ССР С. М. Чиаурели. — Но к повторению мамы на сцене не стремилась. Напротив, все время старалась найти свое. А вот теперь часто замечаю у себя ее интонации, жесты, походку. Вспомнился недавний разговор с моей подругой Алисой Фрейндлих: «Софа, ты сейчас будешь каждый день обнаруживать свойства мамы в себе...»

С самых ранних лет вокруг меня шли разговоры о профессии. И как бы ни была я мала, не могла не чувствовать своеобразной атмосферы нашего дома. И вот теперь я могу похвастаться своими родителями. Отец, Михаил Эдиперович Чиаурели — один из основателей грузинского кинематографа, известный режиссер, был человеком широко одаренным. Он занимался древнегрузинской живописью, скульптурой. Копии храмовых фресок, сделанные им в Тортуме и Испире, хранятся в этнографическом музее.

Мама бесконечно и преданно любила театр. Это было для нее святое место. И она до последних дней входила в него на цыпочках, с благоговением, словно в храм. Любую тему разговора переводила на театральную. Каждое выступление на сцене было праздником, праздником души...

В доме — множество фотографий, некоторые из них ста-

возможность каждому актеру труппы проявить себя. Ручаясь, актерам стыдно получать зарплату, ничего не делая в театре. Но простаивают они чаще всего не по своей вине. Наша профессия — полностью зависима от режиссера. Случается, что тот или иной актер не «во вкусе» режиссера или по каким-то причинам просто не подходит к роли, и его долго не занимают в спектаклях. Нечто подобное случилось и со мной: какое-то время была вне репертуара. И последние несколько лет жила ожиданием интересной роли. Хотелось верить, что зрителям понравилась моя последняя работа — роль Амалии в спектакле «Неаполь — город миллионеров» Э. де Филиппо (режиссер Г. Тодадзе), премьера которого состоялась совсем недавно.

Театральный эксперимент предполагает, что в конце каждого сезона двадцать процентов актерского состава должны пройти аттестацию, — продолжает С. Чиаурели. — С теми, кто прошел творческий конкурс, заключается контракт на 5 лет. Но как быть с теми, кто его не прошел? Ведь, чтобы обсуждать творчество актера, необходимо увидеть его в деле, в спектакле, причем не в проходной роли, а в значительной... А кто подумает о дальнейшей судьбе сокращенных? Этот вопрос нужно, очевидно, решать раньше, еще в театральных вузах. Сделать там что-то вроде испытательного срока. Допустим, год, в течение которого посредством творческого отбора «середнячки» отсеются.

— В идеале в театре должно быть так, чтобы вся труппа — «звезды»... — мечтает актриса. — Вспомним хотя бы МХАТ времен Станиславского и Немировича-Данченко. Сплощенный, монолитный коллектив, как оркестр, где каждый — жизненно необходим. Помните, как говорил К. С. Станиславский о своей труппе: «Худоожественный театр не нанимает актеров, он коллекционирует их...» Только тогда уместны и другие его слова о том, что нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. Именно, когда все — «звезды», никто не обидится, что сегодня он — Гамлет, а завтра — лишь вынесет подсвечник.

Режиссеры получили право свободно экспериментировать на сцене. В свой эксперимент они вовлекают актеров, репетируют год, другой, бывает, засиживаются далеко за полночь. Потом что-то у постановщика не клеится: его замысел не сходится с реальными возможностями — и... все приостанавливается. Опять-таки страдают актеры. А у многих — дом, семья, масса всяких повседневных забот, ведь мы такие же, как все «земные» люди, хотя, наверное, все же в этом — наша жизнь...

Дома Софико Чиаурели чаще всего можно застать на кухне. В неизменном фартуке ей частенько приходится стряпать на всю большую семью. Еще она любит шить и вязать. И если мать всецело посвящала себя искусству, то дочь свою жизнь поделила пополам: половину — творчеству, половину — дому, семье, детям. Вокруг проблемы театра и дома между обеими актрисами всегда разгорались жаркие споры.

— Я ей говорю, — вспоминает Софико, — сейчас совсем другое время. Раньше актеров боготворили, на руках носили в самом прямом смысле. Представь, вдруг придет сам Оливье. Никому и в голову не придет нести его на руках...

Из открытого окна вместе с осенней прохладой донесся трепетный шелест темных деревьев. За долгой беседой с Софьей Михайловной мы и не заметили, как из-за густой листвы давно уже просачивается лунный свет. Скоро полночь. Разговор наш явно затянулся. А еще ни слова не сказано о кино. Широкому зрителю Софико Чиаурели знакома по ролям в фильмах «Хевсурская баллада», «Не горюй!», «Мелодии Верийского квартала», «Ищите женщину», «Несколько интервью по личным вопросам», «Древо желаний» и многим другим. Ее новая работа в кино — «Ближневосточная история», снятая на «Мосфильме». Но лучшие роли, как считает актриса, — впереди.

Недавно в Большом театре состоялся концерт, посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося грузинского поэта Ильи Чавчавадзе. В длинном черном одеянии на сцену вышла С. Чиаурели. Она читала отрывок из «Отаровой вдовы». Скорбное лицо женщины, матери, готовой на любые жертвы, лишь бы не потерять своего сына. В ее глазах, в ее голосе — вечный страх за него...

Актриса читала, и на наших глазах происходило волшебное искусство перевоплощения...

Т. КОНСТАНТИНОВА.

ли реликвиями. Вот, например, фотография В. И. Качалова с трогательной надписью: «Вечно в Вас влюбленный Качалов».

— Наиболее значительной была для мамы роль Юдифи в пьесе К. Гуцкова «Уриэль Акоста», — продолжает Софико. — Этот спектакль в постановке Котэ Марджанишвили вошел в историю грузинского театра. В нем рассказывается о философе Уриэле Акосте, восставшем против мертвых догматов веры, и о его невесте Юдифи.

В дни празднования 100-летия со дня рождения К. Марджанишвили в театре, носящем его имя, В. Анджапаридзе возобновила «Уриэль Акосту». В роли Юдифи в этом спектакле предстала Софико Чиаурели.

— Сменить маму в лучшей ее роли было крайне трудно, — говорит она. — Тайна ее недостижимого мастерства, очевидно, заключена в несравненном воплощении вечно женственного, вечно притягательного... И еще потому, что рядом с ней был ее режиссер, ее единомышленник Марджанишвили. К сожалению, у меня не было «своего» режиссера, которому я могла бы до конца довериться.

Очень завидую актерам, которые работают с М. Туманишвили в театре киноактера. Восемь лет назад мастер взял курс молодых актеров и посвятил им часть своей жизни, создав замечательный ансамбль единомышленников.

Софико Чиаурели работает в театре уже тридцать лет. И, естественно, ее не может не волновать то, что происходит сейчас на театральных подмостках страны. Идет процесс обновления. Как он происходит в ее родном коллективе?

— Впервые слово «эксперимент», — рассказывает актриса, — в нашем театре прозвучало на собрании коллектива в марте прошлого года. В выступлении художественного руководителя Т. Чхеидзе было тогда сказано, что режиссеры обязаны предоставить